

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

А. Л. ТАХТАДЖЯН

ВОСПОМИНАНИЯ О КРИШТОФОВИЧЕ

Я был еще молодым человеком, когда в конце тридцатых годов мой друг К. К. Шапаренко познакомил меня с Африканом Николаевичем Криштофовичем. Уже это первое знакомство с А. Н. произвело на меня глубокое впечатление. Проведя с ним вечер в дружеской беседе, дружеской, несмотря на разницу в возрасте в четверть века, я поддался, как я помню хорошо, его большому обаянию. Это было обаяние и чисто личное и обаяние, я бы сказал, интеллектуальное. И чем ближе я знакомился с А. Н., чем дольше с ним беседовал, тем сильнее было это обаяние его ума. В чем же оно заключалось, могут меня спросить? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно было бы нарисовать развернутый портрет А. Н. как ученого и как человека. Это не в моих силах. Единственное, что я могу сделать, это отметить те черты А. Н., которые мне особенно запомнились, которые произвели особенно большое впечатление на меня, и не только, конечно, на меня.

Одной из наиболее характерных черт А. Н. Криштофовича как ученого нужно считать исключительную широту и разносторонность его научных интересов. Он был натуралистом в широком смысле этого слова, натуралистом типа [А. П.] Карпинского, [В. И.] Вернадского или [Л. С.] Берга. В наш век узкой специализации это качество представляется особенно ценным. Натуралистов с каждым днем становится все меньше и меньше и, наоборот, растет число узких и односторонне образованных специалистов. Поэтому воспитательное значение для молодежи таких ученых, каким был Африкан Николаевич, огромно.

Широта научных интересов Африкана Николаевича была действительно необычайна. Он интересовался и активно занимался не только геологией и ботаникой, но его глубоко волновали многие проблемы географии и истории культуры, вопросы классической и славянской филологии, вопросы лингвистики и археология.

В списке научных работ Африкана Николаевича, число которых огромно, мы находим ряд очень ценных работ, посвященных вопросам неботаники, что является также одним из проявлений разносторонности его интересов.

Во время своих многочисленных путешествий Африкан Николаевич собирал не только ископаемую флору, но также гербарий современных растений. В

результате мы имеем ценные гербарные материалы, собранные им на Украине, в Крыму, в Иркутской губернии, в Египте, Японии, Западной Европе, на острове Сахалин, в Уссурийском крае, на Филиппинских островах и т. д. Ему удалось сделать ряд интересных флористических находок, из которых особенно интересно открытие на Сахалине папоротника *Hymenophyllum wrightii*. Другой вид этого интересного рода был найден впоследствии М. Г. Поповым в Аджарии.

Перу А. Н. принадлежит довольно значительное число работ по флористике, систематике и ботанической географии.

Уже в 1906 г. А. Н. публикует свой “Очерк весенней растительности сел. Криштоповки Екатеринославской губернии”, а в 1907 г. печатаются его статьи “Замечательная русская орхидея” (*Orchis comperiana*) и “К вопросу о растительности Крымской Яйлы”. Интерес к орхидным А. Н. сохранил и в последующие годы и в 1929 г. он публикует во “Флоре Юго-Востока” обработку семейства *Orchidaceae*.

Наряду с работами чисто флористическими, А. Н. пишет также ряд весьма ценных ботанико-географических и геоботанических работ. Они посвящены степям Южной России и Украины, растительности Сибири и Дальнего Востока и растительности Филиппинских островов. Эти работы А. Н. представляют большой интерес как для ботаника, так и для географа. Растительный мир рассматривается в них как элемент единого и целостного ландшафта, и притом исторически, а не статически. В этом отношении эти работы А. Н. можно было бы сравнить с замечательными геоботаническими исследованиями Ипполита Михайловича Крашенинникова. Последняя ботанико-географическая и геоботаническая работа А. Н. – это “Сосновые леса и формации мшистого леса Филиппинских островов”, напечатанная в виде главы в книге А. П. Ильинского “Растительность земного шара”.

Наконец, следует отметить значение работ А. Н. в области флористики и систематики. Помимо ряда флористических работ, А. Н. был активным участником ряда флор: “Флоры Азиатской России” Б. А. Федченко, “Флоры Юго-Востока европейской части СССР”, “Флоры СССР” и др. Особенно следует отметить его обработку *Sapindales* для “Флоры Азиатской России” и обработку *Orchidaceae*, *Euphorbiaceae* и некоторых других семейств для “Флоры Юго-Востока”.

Значение работ А. Н. для ботаники не ограничивается, конечно, его ботанико-географическими и флористическими исследованиями. Еще большее значе-

ние для ботаники имеют, конечно, его классические палеоботанические исследования. Сегодняшней аудитории они достаточно хорошо известны, кроме того, о некоторых из них будет речь в следующих двух докладах. Но если говорить о палеоботанических работах А. Н. в плане воспоминаний, то мне бы особенно хотелось отметить его замечательный труд “Эволюция растительного покрова в геологическом прошлом и ее основные факторы” (1946). Эта работа, характеризующаяся исключительной глубиной мысли и богатством идей, произвела на меня, я помню, огромное впечатление. Эта работа имеет принципиальное значение для палеоботаники и для исторической географии растений. В ней дано глубокое обоснование генезиса фитоценозов, т. е. ботанико-географических царств, областей и провинций в различные периоды развития Земли. Ее лейтмотивом является, как вы помните, тезис: “Растительность следует за блуждающей веками средой”.

На примере этой работы мы можем заметить другую характерную черту А. Н. Он никогда не ограничивался только описанием фактического материала, его каталогизацией. Он считал, что факты – это тот необходимый строительный материал, из которого должно быть воздвигнуто здание науки. Поэтому характерной чертой А. Н. было его стремление анализировать фактический материал и обобщать его. Перу А. Н. принадлежит много теоретических работ, в которых он давал глубокие обобщения накопленного в палеоботанике фактического материала. В связи с этим мне бы хотелось подчеркнуть еще одну особенность творческой индивидуальности А. Н. Ему был глубоко чужд тот, я бы сказал, авторитарный догматизм, который бывает часто столь характерен для ремесленников от науки. Его мышление было свободно от давления каких-либо авторитетов, прошлых или современных ему. Как бы ни был

дорог ему тот или иной ученый, предшественник или современник, он был свободен от духовного давления его авторитета. В этом отношении он достиг очень большой внутренней интеллектуальной свободы. И эта черта его также очень сближала его с учеными такого типа, как Вернадский.

В творческом развитии всякого большого ученого есть одна опасность, которую в свое время очень хорошо проанализировал в одной из своих статей [А.В.] Луначарский. Он назвал ее “соблазном кристаллизации”. Можно было бы назвать ее также опасностью догматического окостенения. Для А. Н. было очень характерно как раз полное отсутствие догматизма по отношению к своим собственным взглядам. Он не считал, что в палеоботанике возможны какие-либо окончательные обобщения, которые не пошатнутся под давлением новых фактов. Любые такие обобщения он считал временным этапом в нашем познании, и когда появлялись новые факты, противоречащие старым концепциям, он охотно отказывался от них. Так он отказался, например, от системы [А.] Энглера и в последнем издании “Палеоботаники” отразил более новые идеи в систематике. В связи со всем этим не могу не вспомнить, как он внимательно прислушивался ко всякой критике своих взглядов, даже если эта критика исходила от людей значительно более молодых и менее знающих. Вот почему так приятно было обсуждать с А. Н. те или иные научные вопросы и спорить на научные темы. Это была очень симпатичная черта в характере А. Н.

Африкан Николаевич умер в расцвете своих творческих сил, весь во власти больших творческих замыслов, в разгар напряженной исследовательской работы. Преждевременная смерть лишила нас одного из наиболее выдающихся натуралистов нашей страны.